

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

ВЛАДИМИР БУШИН

**15 ЛЕТ
ПУТИНА**

КУДА БРЕДЁТ РОССИЯ

Проект «Путин»

Владимир Бушин

**Пятнадцать лет Путина.
Куда бредет Россия**

«Алисторус»

2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бушин В. С.

Пятнадцать лет Путина. Куда бредет Россия / В. С. Бушин —
«Алисторус», 2015 — (Проект «Путин»)

Владимир Сергеевич Бушин – яркий политический публицист, писатель, автор более двух десятков политических бестселлеров – с самого начала правления В.В. Путина внимательно следит за его деятельностью. От трагедии с подлодкой «Курск» до присоединения Крыма, от первых залпов в «войне с олигархами» до сегодняшнего перемирия, от заявлений о «незыблемости традиций» России до провозглашения «особого курса» страны — все это детально и непредвзято рассматривается В. Бушиным в его книге. Помимо того, читатель найдет здесь материалы об экономической и социальной политике Путина, о выборе им своих соратников, о его отношении к культуре и истории России. Следует отметить, что критический анализ деятельности Путина за пятнадцать лет не является для Владимира Бушина самоцелью, он рассматривает эту деятельность с точки зрения интересов нашей страны и нашего народа.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бушин В. С., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Как Россия обрела Путина	5
Крестный папа Владимира Путина	5
Осанка благородства	13
Путин на двух креслах	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Бушин Пятнадцать лет Путина. Куда бредет Россия

Как Россия обрела Путина

Крестный папа Владимира Путина

Еще в июне 1991 года в «Советской России» я напечатал статью «Хождение Собчака». Позже об этом реликтовом деятеле, вскоре получившем титул «знаменосца демократии», публикаций было, пожалуй, больше, чем, допустим, о Е. Гайдаре и А. Чубайсе, вместе взятых. Запомнились, например, статьи в газетах и оппозиционных, и правомерно демократических: «Хлестаковщина на Сене» («Советская Россия», 15.10.98), «Черная тень Собчака над Россией» («Новая газета», № 24'97), «Собчак как зеркало русской коррупции» («Комсомольская правда», № 26'97), «Плачет по Собчаку «Матросская тишина» («Совершенно секретно», № 2'97) и т. д.

Авторы этих статей утверждали, что Собчак – взяточник, махинатор, что, например, проживая ранее в скромной двухкомнатной квартирке на окраине Ленинграда, он, став мэром города, обтяпал в самом центре отменное гнездышко в 400 квадратных метров, устроил также уютные берложки своим родственникам, нагрянувшим в Северную Пальмиру из Брянской области, из Ташкента и, кажется, даже из Читы, где 10 августа 1937 года, сразу после Дня физкультурника, в семье тихого бухгалтера родился будущий знаменосец. В справке «О ходе расследования по делу № 141674» заместитель прокурора Ленинграда Н. П. Дудин утверждал, что «суммарная рыночная стоимость жилья, незаконно полученного гр. Собчаком А. А. и его родственниками, составляет около 2 миллиардов рублей».

Справка эта была напечатана в газете «За рабочее дело», которая, по примеру известного общественного процесса над М. Горбачевым, устроила на своих страницах такой же процесс над знаменосцем демократии. Там общественный обвинитель Е. Фетисов, в частности, заявил: «Если уж говорить по-русски прямо, то Собчак – вор. Алчность его безгранична». А закончил так: «На основе всего вышеизложенного, учитывая все зло, причиненное нашей стране, нашим людям, деятельность гр. Собчака и его особую опасность для общества, требую для подсудимого смертной казни через повешение на его собственных подтяжках французского производства без права захоронения на русской земле. Казнь произвести на Дворцовой площади. На шею казненному повесить доску со словами: «Он переименовал и разорил Ленинград, превратив его в столицу нищеты и преступности».

Может быть, во всем этом есть что-то и несправедливое, но, во всяком случае, столь единодушной неласковости к себе от крайне левых до крайне правых не знает, пожалуй, ни один персонаж эпохи Ельцина.

Что до моей упомянутой выше давней статьи, то я в ней тоже, разумеется, утверждал, что Господь несколько обделил профессора Собчака такими бесценными человеческими качествами, как стыд и совесть, но в статье не было ни слова ни о квартирных махинациях, ни о взятках, ни о брянской теще, ни о ташкентской куме, ни о том даже, как писали другие газеты: «Собчак А. А. вылетел в Лондон и в аэропорту „Хитроу“ задержан сотрудниками таможни за провоз без декларации в портфеле „дипломат“ более 1 миллиона долларов». Нет, я писал о

другом, я доказывал умение профессора вдохновенно декламировать о неизбывной любви к человечеству с выражением непререкаемой святости на лице.

Например, в своей книге «Хождение во власть» знаменосец уверял: «То, что прозвучало с трибуны XIX партконференции, я воспринял как призыв к гражданской мобилизации, адресованный и мне лично. И я, беспартийный (!), подал заявление с просьбой принять меня в КПСС». А я в статье писал, что это похоже на вранье, ибо конференция открылась 28 июня 1988 года, а заявление беспартийный большевик Собчак подал еще 10-го, то есть почти на три недели раньше, движимый не столь героическим и бескорыстным порывом, на который указывает, а каким-то иным, может быть, вполне шкурным, как и раньше, когда он пролез в члены райкома комсомола.

В заявлении он умолял и божился: «Прошу принять меня в члены КПСС, потому что в эти решающее для партии и страны время хочу находиться в передовых рядах борцов за дело социализма и коммунизма. Программу КПСС изучил, признаю и обязуюсь выполнять». Прекрасно! Точно так же, как на фронте многие из нас писали перед наступлением. Но не прошло и двух лет, как свеженький борец за коммунизм, смазав профессорские пятки, бежал из партии. По выражению поэта, «бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла». Мало того, вместе с Ельциным, Яковлевым и Бурбулисом голосом пророка, страдающего диареей, принялся обильно изрекать афоризмы и пророчества такого пошиба: «Марксизм приговорен историей... Судьба коммунизма в России предрешена... Компартия уйдет с политической арены» и т. п. А ведь не мальчиком вступал в партию и рвался в первые ряды ее борцов, ему шел уже шестой десяток, был второй раз женат, имел кучу детей и внуков.

* * *

При единодушной неласковости к Собчаку в прессе и в обществе, сложившейся в результате его резвой деятельности на квартирной и смежных с ней нивах, нетрудно понять его поведение, когда следователь по особо важным делам Н. Михеев стал раз за разом приглашать знаменосца всего лишь как свидетеля для дачи показаний. Ну в самом деле, представьте себе, что по первому же приглашению он направился в прокуратуру, вдруг по дороге видит на стенде «Комсомолку», а в ней статья «Собчак как зеркало русской коррупции». Как всякий на его месте, знаменосец повернулся и побежал в объятия своей супруги, тем более что она, Людмила Борисовна, имела парламентскую неприкосновенность, то есть только он, супруг, имел право иногда прикоснуться. Неудивительно, что после этого он не являлся к следователю еще, допустим, на пять-шесть приглашений. Но вот снова все-таки решился, как вдруг в телевизионном обзоре печати показывают свеженький номер «Совершенно секретно», а там аршинными буквами – «Плачет по Собчаку „Матросская тишина“». Конечно, он опять передумал.

И так аж до тринадцатого приглашения, когда следователю не оставалось ничего другого, как прибегнуть к принудительному приводу. Но тут раздался крик неприкасаемой супруги: «У знаменосца инфаркт! Демократия в опасности!». И страдалец тут же повалился на рядом стоявший стол, испустил как бы предсмертный вопль, а потом замер и даже великим усилием воли сумел побледнеть и выдавить на лбу холодный пот... Вскоре почти бездыханного знаменосца везут на аэродром, грузят полуживого в таинственный двухместный самолет, добытый, по слухам, для этого Ростроповичем и Вишневецкой в Финляндии, и тело Собчака, тщательно оберегаемое верным Путиным, совершает легендарный беспосадочный перелет по маршруту Ленинград – Париж. Это произошло 7 ноября 1997 года, в день 80-летия Великой Октябрьской революции. Уж как порадовал профессор всех избавлением от своего присутствия на русской земле именно в этот праздничный день...

Однако в Париже просидел Собчак, увы, всего лишь годика полтора. А как только директором ФСБ, а потом и секретарем Совбеза стал В. Путин, доктор Анатолий тотчас примчался

обратно, надеясь, что Путин, поскольку он был его заместителем в правительстве Ленинграда да еще возглавлял избирательный штаб при попытке знаменосца второй раз пролезть в мэры города, не оставит теперь своими милостями. Как знать... Но дело сейчас не в этом.

Вы ни за что не догадаетесь, читатель, чем эти полтора года горького изгнания занимался Собчак в Париже. Оказывается, перебиваясь с кваса на устриц, терзаясь разлукой с неприкасаемой женой-депутаткой, он все это время писал книгу! О чем? Может быть, вы думаете, что о своих великих государственных деяниях? или о встрече с Ельциным? о дружбе с Евтушенко? о контактах с Новодворской?.. Ничуть не бывало! Он писал книгу о Сталине! Уму непостижимо! Это после стольких-то книг, статей, фильмов о Сталине в нынешнюю пору. Да еще после того, как столь достослезной оказалась вскоре участь многих авторов этих произведений...

В самом деле, ведь не мог ученый профессор не знать, например, что еще в конце 70-х годов поэт Борис Слуцкий написал инфекционный цикл стихов о Сталине, в том числе подлый стишок о тосте вождя за здоровье русского народа, – и вскоре совсем еще не в дряхлом возрасте Бог его прибрал. Булат Окуджава, которому Сталин даже снился в страшных снах, написал о нем: «Меленький, немывтый и рябой...» И что же? «Приют певца угрюм и тесен, и на устах его печать...» Несколько лет тому назад на американские деньги был создан кошмарный фильм о Сталине «Монстр». В этом принимали участие известный Евгений Габрилович и безвестный Александр Новогрудский; увы, и они уже не украшают наше общество. Самым высокопоставленным и беспардонным сталиноведом был у нас в эти годы генерал-философ Волкогонов, любимец Ельцина. Накатал о Сталине четыре тома первосортного вздора. И что? Господь незамедлительно и его призвал для объяснения. Алесь Адамович напечатал в «Дружбе народов» апоплексическую повесть, в которой уверял, что Сталин был агентом царской охраны. Недолго пришлось ждать: смерть сразила его прямо в суде, в котором он отстаивал свои сталинофобские убеждения. На этой же ниве отменно потрудились Лев Разгон, признавшийся даже, что в день смерти Сталина устроил на радостях попойку. Совсем недавно и он помахал нам синим платочком. Рой Медведев сочинил тщедушную книжонку «Семья тирана», а потом – «Они окружали Сталина», и где теперь этот Рой? Кто видел мыслителя в последний раз? Эдвард Радзинский выпустил здоровенный том «Сталин», на страницах которого самозабвенно состязаются убожество ума, невежество и низость души. И теперь у него такой же затравленный вид, как у несчастного Салмана Рушди. Антонов-Овсеенко, кажется, всех превзошел по тупоумию своих антисталинских писаний. Говорят, теперь в каком-то закрытом учреждении он руководит кружком по художественному вышиванию...

* * *

И вот на таком-то жутком фоне доктор Собчак сел на Монмартре за свою книгу! Я решил, что там, в Париже, в каких-то библиотеках да архивах ему удалось раскопать уж такие потрясающие материалы, такие сногшибательные сведения, что за публикацию их можно рискнуть и с Радзинским облобызаться (разумеется, с последующей дезинфекцией). С великим ожиданием я начал читать...

И прочитал. И что же увидел? Да ведь ни одного нового факта, ни единой свежей мысли, ни малейшей претензии на самостоятельность подхода, на свежесть аргументации. Автор просто обобрал почти всех помянутых выше мыслителей, сгреб их философско-исторические побрехушки в кучу и сварил, подобно Хлестакову, «суп в кастрюльке прямо из Парижа».

Вот вам один из примеров исторической масштабности, умственного уровня и творческой самобытности антисталинизма Собчака. Он без конца гундосит, что Сталин был маленького роста и, в отличие, допустим, от Наполеона или Суворова, Пушкина или Лермонтова, ужасно стыдился этого. «На групповых фотографиях, – сообщает ученый, – заметно стремление Сталина занять такое место, чтобы выглядеть выше окружающих». Ну правильно. Всегда,

понимаешь, усаживался в первом ряду. Как будто он, генсек или верховный главнокомандующий, не мог пристроиться где-нибудь в пятом-шестом сбоку, а место в первом уступить Собчаку рядом с Буденным. На Тегеранской и Ялтинской конференциях он, надо полагать, говорил Рузвельту и Черчиллю: «Как хотите, господа, а я в кресло подложу подушечку...» Ай-яй-яй, профессор, ведь это плагиат. Еще когда, как мы видели, то же самое гораздо поэтичнее, под гитару, гундосил покойный Окуджава, как, впрочем, почти все мыслители, свихнувшиеся на ненависти к Сталину.

Особого внимания заслуживает здесь покойный генерал Волкогонов, сказавший о нем в своей, теперь уже сданной в утильсырье книге «Триумф и трагедия» (не путать с «Трагедией и триумфом» Черчилля!): «физический и нравственный пигмей!» Дело в том, что именно в этой утилькниге славного генерала, вкушающего ныне вечное блаженство, в первой ее части на вклейке между страницами 64 и 65 помещена карта из следственного дела Сталина, заполненная в 1908 году в бакинской тюрьме. Там среди других примет заключенного, естественно, указан и рост: «174 см». Нормальный для мужчины средний рост. Но генерал, доктор аж двух наук, смотрел в собственную книгу и видел собственную фигу. К слову сказать, рост Окуджавы, по данным поликлиники Литфонда, был 171 сантиметр.

Нечто подобное фигуре видел и одноразовый доктор Собчак и продолжал дудеть в ту же дуду: «Придворные фотографы обязаны были снимать вождя только под определенным ракурсом, чтобы был незаметен его маленький рост». Вот так! Чувствуете все то же хлестаковское вдохновение, рождающее фантазии насчет супчика? «Откроешь крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе!..» Воистину так. Во-первых, кто они, эти придворные фотографы? У Гитлера, например, был такой фотограф – Генрих Гофман. А у Сталина? Молчит дядя. Во-вторых, Сталина снимали в самых разных ситуациях множество самых разных фотографов, в том числе иностранных, а ведь всем не прикажешь делать это «под определенным ракурсом». Но главное, в-третьих, тюремные фотографии, как известно, не отличаются любовью к разнообразию, они знают только два ракурса – анфас да профиль, и тюремщиков трудно заподозрить в том, что они уже в 1908 году заискивали перед заключенным Джугашвили и прибавляли ему рост. Так что честному ученому надо бы признать: 174 сантиметра.

Фотографов с обязательными приукрашивающими ракурсами Анатолий тоже не сам изобрел, а стянул у Роя Медведева, и без того очень небогатого. Тот в своей книге «Семья тирана», являющейся не чем иным, как свидетельством о бедности, уверял: «Не только художники, но и фотографы убирали все оспины с лица Сталина и увеличивали на несколько сантиметров его лоб». Надо полагать, на сей счет было специальное указание Политбюро, его нарушителям, конечно же, грозил расстрел. Хоть задумался бы о том, что у самого лоб – как сковорода. И что? Чем порадовал Родину за долгую жизнь?

Хотя как автор книги о Сталине профессор Собчак в целом вполне заслуживает той характеристики, которую высказал в свое время общественный обвинитель Е. Фетисов («Уж если говорить по-русски прямо...»), но в данном конкретном случае надо признать, что он не просто стянул побрехушку о фотографах, но и развил ее дальше. Такой же пример творческой клеptomании дает он и в некоторых других случаях. Так, не просто долдонит о маленьком росте Сталина, а показывает конкретно, к чему это вело: «На трибуне Мавзолея ему подставляли специальную скамеечку, чтобы выглядел выше и внушительней. Подставляли скамеечку и при его выступлениях на съездах и совещаниях». Интересно, где сейчас эта историческая скамеечка? Вот разыскать бы! Надо думать, неплохие деньги можно получить за нее на аукционе «Сотби».

* * *

«Сталинские сапоги, – продолжает Собчак творчески развивать идеи своих обворованных им предшественников, – тоже были необычными, с очень высокими каблуками, чтобы поддержать иллюзию более рослого человека». Это сперто из книги Радзинского, который по причине собственного скромного роста (по данным той же поликлиники Литфонда – 167 см) сам ходит на таких каблуках. Это я частенько вижу из окна своей дачи.

И опять, и опять все в том же воровском стиле: «Маленький, щедедушный, какой-то ущербный, похожий на воришку, ожидающего кары»... Право, не всякий выдержит такой напор. Иной скажет: «Черт с тобой, согласен: маленький, щедедушный, толстый. Только отвяжись Христа ради!». А ведь с таким напором он всюду и лез – и в доктора наук, и в партию, и в депутаты, и в мэры...

Здесь наш беспристрастный рассказ о поразительной книге, написанной Собчаком в Париже, мы вынуждены прервать отступлением о его столь же замечательных делах в паре с очаровательной супругой в Москве. Сделать это тем более необходимо, что и то и другое – в одном ключе, на одном морально-психологическом уровне и являет нечто целое.

Известный журналист Александр Минкин – один из самых неутомимых и бессердечных истязателей бедного Собчака. Так, в «Новой газете» А. Минкин напечатал о Собчаке неласковую статью «Хворь», где, в частности, привел каким-то образом перехваченный «типичный собчаковско-чубайсовский разговор», имевший место 2 октября 1997 года, когда Чубайс был, черт его упомнит, какой-то шишкой в правительстве. Вот примерный фрагмент разговора.

«Собчак. Здравствуйте, дорогой Анатолий Борисович! Как здоровьице? Как супруга? Как детишки? Знаете, дорогой Анатолий Борисович, в московской прессе продолжают попытки дискредитации моей личности, известной вам своей безупречностью. Представьте себе, враги демократии предлагают меня арестовать! Конечно, я сейчас беззащитный пенсионер, но все-таки продолжаю оставаться мужем нардепки Нарусовой.

Чубайс. Не беспокойтесь, Анатолий Александрович. Ситуация под контролем. Железно! Я имел на тему вашего ареста разговор с Юмашевым, главой администрации президента. Он заверил меня, что без его ведома и без ведома Бориса Николаевича никто не посмеет отправить на нары мужа Нарусовой без жены.

Собчак. Дорогой Анатолий Борисович, что значит „ситуация под контролем“? Вот и в Чечне у нас все было „под контролем“, и в экономике „под контролем“, и в обороне „под контролем“, и в приватизации... Не получится ли со мной, как в Чечне? Не продадут ли меня за 3 процента истинной стоимости, как „Уралмаш“?... Ведь газеты пишут же – арестовать! Министр внутренних дел Куликов заявляет на пресс-конференции: „Вот-вот схватим голубчика“. Уже, мол, и наручники подобрали по размеру...

Чубайс. Перестаньте паниковать, Собчак! Повторяю, на нары вас без жены не отправят! Железно! Я сегодня встречаюсь с Юмашевым. Первый вопрос, который мы будем обсуждать, это вопрос о вашем аресте.

Собчак. Спасибо, дорогой Анатолий Борисович. Уж такое спасибо!.. С Эйфелеву башню! Я, может быть, скоро поеду во Францию Что вам привезти? У вашей жены ножка какого размера? Тридцать девятый? Прекрасно! А, извините за выражение, бюстик? Пятый? Тоже завидный! Вы и сами то и дело по заграницам, но у вас же нет времени там по магазинам шастать, а я – вольный пенсионер!.. Из прошлой поездки во Францию я привез своей Людочке две дюжины бюстгальтеров. Чудо! Знаете, какие? Вы не поверите – на меху! Ах, французы! Что за искусники! Но это не главное, почему я вам звоню. Ведь мы же с Людочкой всегда в первую очередь думаем о любимой родине, о нашей цветущей демократии. Главное – в последнее время нас очень настораживает активность Рохлина. Он фактически призывает к неконституционным

действиям по смене власти, которой мы с вами не можем нарадоваться. Совершенно необходимо возбудить против него уголовное дело. Засудить надо смутьяна!

Чубайс. Но он же депутат, дело не имеет перспективы. А надо бы, надо! Ух, как надо. Но подумаем еще. Может быть, найдем другой вариант. Сказал же президент: „Мы смахнем Рохлина!“.

Собчак. Конечно, надо! Чтобы другие задумались...»

* * *

Примерно такой был разговорчик. После его публикации, а также после того, как А. Минкин ярко осветил известное «дело писателей-хапуг», прозаик Чубайс и поэт Бойко, оба русскоязычные, подали на журналиста в суд: он, дескать, лишил нас чести и надругался над нашим достоинством. Суд тщательно искал их честь, старался нащупать их достоинство, но, увы, не обнаружил. К тому же Чубайс клятвенно обещал президенту, что 95 % гонорара-взятки отдаст детям-сиротам, но, по обыкновению, обманул и обожаемого президента, и бедных сирот. Словом, в суде истцы получили полный отлуп.

А тем временем Собчак, как видно, не поверив все-таки, что ситуация под контролем и что его не могут продать за 3 процента подлинной стоимости, рванул в Париж писать великую книгу о Сталине. Там он узнал, что в отношении генерала Рохлина, которого так жаждал засудить, нашли более эффективное средство, чтобы другие задумались...

И вот появилась новая статья А. Минкина.

Раздается у него телефонный звонок:

– Это депутат Госдумы Нарусова Людмила Борисовна, 1950-х годов рождения. Вы называете моего мужа, бедного пенсионера Собчака, преступником. Предлагаю вам явиться и представить документы...

Минкин положил трубку.

Через месяц опять звонок:

– Это Нарусова, 1950-х годов рождения, жена бедного пенсионера Собчака, получающего пенсию 480 рублей. Я член Комитета Думы по делам женщин и семьи. К нам поступило заявление, что вы похитили ребенка. (Тут следует пояснить. Дело в том, что у Минкина в это время произошла семейная драма. Он судился с бывшей женой из-за ребенка, и пока суд да дело, ребенка взял к себе. – *В. Б.*) Мне поручено разобраться. Давайте встретимся в китайском ресторане «Ли Ли Вонг». Вы любите китайскую кухню? Я обожаю рагу из собачатины...

Минкин – калач тертый. Он позвонил Ли Ли Вонгу и спросил, сколько у него стоит обед. Оказалось, сто долларов с рыла. О-го-го... У журналиста таких денег нет, а обедать за счет жены бедного пенсионера, получающего в месяц 480 рублей, то есть примерно столько долларов, сколько принято в этом ресторане давать гардеробщику, он не пожелал. Есть основание полагать, что было у него при этом еще и некоторое опасение. Помните «Моцарта и Сальери»? – «Последний дар моей Изоры... Переходи сегодня в чашу дружбы...» Или в собачье рагу...

Как бы то ни было, а Минкин позвонил жене пенсионера и сказал, что лучше встретиться в Думе.

– Ах, как жаль, как жаль!.. Отцвели уж давно хризантемы в саду... Хорошо. Жду вас в кабинете номер 1510. Мы поговорим по душам...

Минкин направил стопы в Думу, надеясь побеседовать наедине с сильно очаровательной женщиной, известной в стране под именем «Дама в тюрбане», и что он видит! «Прихожу, – говорит, – а там, кроме Нарусовой, ее муж по фамилии Собчак».

– Как рад вас видеть! Как счастлив познакомиться! – воскликнул носитель этой фамилии. – Вы – большой талант! Знаменитость! Хочется сказать о вас словами Ленина о Толстом: «Какой матерый человечище! Кого рядом с ним можно поставить в Европе? Некого!»

Словом, идет примерно такого рода светский разговор, как я представляю. «И вдруг, – пишет Минкин, – Нарусова говорит: поступила жалоба, что вы похитили ребенка с целью удовлетворения своих извращенных... Тут я впервые в жизни почувствовал, – продолжает журналист, – что у меня есть Государственная граница и что ее перешел враг». Как он при этом сумел удержаться от того, чтобы тут же не превратить их обоих в собачье рагу, я не знаю...

Он даже нашел в себе силы спросить нардепку, откуда она это взяла. Нардепка ответила, не моргнув зеленым змеиным глазом:

– Это сообщила мне председатель Комитета женщин Алевтина Викторовна Апарина, коммунистка. Она и поручила мне разобраться в вашем деле. Вы же знаете, коммунисты не лгут. Они любят повторять слова Горького: «Ложь – религия рабов и хозяев». У Апариной на вас целое досье.

Будучи рьяным антикоммунистом, Минкин, возможно, поверил, что все исходит от Апариной. Потому и не устроил рагу из супругов. И беседа мирно продолжалась, тем более что за всем этим еще и стояла судьба сына. В ходе душевной беседы муж Нарусовой между прочим обронил, что «когда-то подобрал оставшегося без работы бывшего Штирлица». И вот бывший безработный Володя «рос, рос и вырос до главы правительства». «Очевидно, – замечает журналист, – я должен был хорошенько понять, что имею дело не просто с пенсионером, а с крестным отцом г-на Путина».

Несмотря на весь антикоммунизм, у Минкина хватило здравого рассудка на то, чтобы пожелать встретиться и поговорить с А. В. Апариной. Жена Собчака сделала все, что было в ее силах, чтобы помешать встрече. Но она все-таки состоялась. Алевтина Викторовна, с прищущим коммунистам уважением к ясности, сказала Минкину:

– Никакого поручения Нарусовой относительно вас я никогда не давала. С матерью ребенка никогда не встречалась. Никакого досье на вас у нас не было и нет. Ни о каких грязных намерениях относительно мальчика ни от кого никогда не слышала и, естественно, никому не могла говорить.

На всякий случай Минкин еще и позвонил бывшей жене, спросил. Та ответила:

– Какой бред! Ничего подобного никогда никому не писала, не говорила и не могла сказать!

После этого А. Минкин направил в прокуратуру заявление о возбуждении уголовного дела против Нарусовой Л. Б. и Собчака А. А. за шантаж, клевету и оскорбление.

Я с Минкиным не знаком, ни разу даже не видел его, люди мы разные: я русский коммунист, он, как почти все его соплеменники, которых я знаю, антисоветчик. У нас нет и, видимо, не может быть общих друзей, но у нас есть общие враги. Мы все-таки оба по эту сторону Государственной границы, которую, как он пишет, перешел враг...

* * *

Вы хоть теперь-то поняли, товарищ Путин, кто был вашим учителем в Ленинградском университете, с кем долгие годы яхшались, кого, возглавляя его избирательный штаб, из всех сил стремились посадить второй раз в кресло мэра Ленинграда, и кто, афишируя свою близость с вами, нахваливал вас: «Путин учился у меня в группе. Привлекает его молодость, образованность. Он – человек абсолютно демократических убеждений!».

Но надо полагать, вы знаете его лучше, чем многие. Поэтому советую вам покаяться за свою прошлую близость с этой парочкой и рассказать о ней то, чего люди еще не знают. Это

будет достойно русского офицера и православного человека – откреститься от исчадий ада. И на другой же день ваш рейтинг подскочит до 97 процентов.

1999 г.

Осанка благородства

Поэт однажды воскликнул:

Льстецы! Льстецы!
Старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства...

Но разве этот совет полезен только льстецам?... За последние годы на политической сцене перед нами прошла длинная вереница персонажей, чрезвычайно озабоченных осанкой благородства. Вспомните, допустим, Сергея Станкевича. Ведь сам лик его излучал святость. И кто бы мог подумать – его обвинили в мелких взятках!.. А Собчак? Сама принципиальность, сама справедливость, сама боль за народ. И вдруг при первом намеке прокуратуры на то, что он не всегда чистит по утрам зубы, он то ли наклеивает бороду, то ли наряжается в изящные одежды своей супруги и на спортивном самолете «Сессна», на котором в 1986 году Руст приземлился на Васильевском спуске, летит в Париж, приземляется чуть ли не на крыше Елисейского дворца и долго-долго сидит там голодный... А Березовский? Всегда прав, во всем прав, ни в чем не виноват, как ангел, чист, а его почему-то никто не любит, даже Сорос, распространяют сплетни о каких-то его счетах в каких-то банках какой-то Швейцарии... Я уж не говорю о таких поистине корифеях благородства, как Горбачев и Яковлев. И все-таки даже на таком фоне Григорий Явлинский выделяется своей постоянной озабоченностью осанкой благородства. Это можно было видеть совсем недавно.

Накануне рассмотрения в Думе кандидатуры В. Путина как главы правительства на РТР состоялся примерно такой, как я его запомнил, разговор Г. Явлинского с Н. Сванидзе: «Многие члены нашей фракции „Яблоко“ будут голосовать против». – «Вы говорите об этом с пониманием и даже сочувствием. Но почему против?» – «Да ведь подполковник Путин – дитя спецслужб. Он оттрубил там пятнадцать лет». – «Хорошо. Но ведь это наша, а не иностранная спецслужба, она стоит на страже интересов России, а не США». – «Все равно – низзя! Только при лишенных малейшего понятия о благородстве коммунистах во главе правящей партии мог быть поставлен председатель КГБ Андропов. Низзя!» – «Позвольте, но в США, которые для нас, демократов, остаются немеркнущим маяком, президентом был Буш, такой же кагэбэшник». – «США очень далеко. И потом это особый случай». – «Допустим. Но вот же совсем недавно вы сами выдвинули на тот пост, что сейчас предложен Путину, Примакова, который еще вчера возглавлял разведку и, кажется, был прямым начальником Путина». – «Примаков? Это особый случай. Он консолидировал общество». – «Консолидировал, то есть делал доброе дело? Тогда, во-первых, зачем же вы так рьяно выступали против его правительства, а самого изображали слепцом, не видящим у себя под носом взяточников и ворюг? Во-вторых, почему не допустить, что и Путин сделает что-то путное? Ведь сама фамилия внушает надежду». – «Низзя!» – «А до этого аж в самом Совете безопасности у нас сидел человек с двойным гражданством. И вы, Григорий Алексеевич, помните, не шумели по этому поводу». – «С двойным? Это особый случай...»

Каков же итог беседы? Да, видимо, Явлинский уверен, что осанку благородства удалось сохранить...

В последовавшей затем истории со Степашиным осанка была еще благородней... Вскоре после своей трагикомической отставки тот предпринял попытку войти в «Яблоко», но она не удалась. Вполне возможно, по той причине, что Степашин хотел возглавить избирательный список, что было бы вполне естественно: ведь все собраты по отставному премьерству возглавили – и Гайдар, и Черномырдин, и Кириенко, и Примаков. А что Степашин – рыжий? Мало

того, ведь он самый свеженький из премьер-отставников, и если те, кроме Примакова, даже не входят уже ни в какие рейтинги, то у него, наоборот, что-то там зашевелилось между пятью и десятью. И потом, он не был главой и ФСБ, и министерства юстиции, и МВД, и даже самого правительства, – в нашей истории тут может, соперничать только Керенский! Но не так прост и Явлинский! Он первое место в списке и самому господину Богу не уступит. Так и повелит начертать в списке: 1. Явлинский Г. А. 2. Саваоф; 3. Иваненко... и т. д. Осанка благородства! Но он объяснил размолвку совсем не так и, разумеется опять весьма благородно. Видите ли, говорит, как обнаружилось, Степашин – генерал, и верховный главнокомандующий всегда имеет возможность оказать на него какое-то давление, и может случиться так, что ему придется выйти из первой тройки, а тогда Избирком вправе все объединение снять с выборов. Вот и пришлось расстаться...

Очень убедительно! Но все же есть вопросы. Во-первых, что, разве Степашин в политике и во власти единственный генерал? Да их там ныне как сельдей в бочке: Руцкой, Лебедь, Николаев, Семенов. И никого из них главноверх не терзает. Во-вторых, разве главноверх вправе вторгнуться в совершенно не военную сферу и зычным голосом приказать: «Генерал Степашин, из списка „Яблока“ бегом марш!» Очень сомнительно. В свое время даже патриарх не смог запретить Глебу Якунину стать депутатом.

В-третьих, ведь Степашин такой же кагэбэшник, как Андропов и Примаков, Буш и Путин. Опять особый случай? В чем его суть? И наконец, если Степашин так дорог «Яблоку», то почему нельзя поставить его имя в списке четвертым? Ведь тогда зычная команда главноверха, буде она прогремит, не имела бы для объединения трагических последствий.

* * *

Дальше события развивались уж совсем красиво. Вдруг объявляют: пакт «Явлинский – Степашин» заключен! Отставник идет вторым номером!.. Как так – разве он уже не генерал? За что разжаловали? Неужто, как бедолагу Ковалева, засекли в бане с наядами? А кагэбэшное прошлое, то есть служба в ФСБ? Или выяснилось, наконец, что это ФСК – Федеральная служба кролиководства? А бездарное участие на высокой должности в бездарной чеченской войне? Ведь именно по этому единственному пункту Явлинский голосовал за отставку Ельцина при попытке импичмента! Что ж, забыто? Отринуто? Предано?.. И наконец, как это голосование за отставку Ельцина, возмущение «безумным стилем» работы и руководства страной, уподобление им кремлевской Семьи – Семье свергнутого индонезийского президента Сухарто, в страхе ждущего возмездия народа, – как все это совместить с неизменными клятвами Степашина в верности Ельцину с заверениями «идти с им до конца»? Как негодование Явлинского по поводу того, что Ельцин «всех нас считает за мусор», увязать с нежными благодарностями ему Степашина «за все», в том числе и за то, что «он ввел меня, мальчишку, в большую политику»?

Нет, оказалось, что в бане с наядами никто Степашина не заставлял, он остается генералом, и от пламенной любви к Ельцину не отрекся, наоборот, живет трогательными воспоминаниями их последнего, как признается, «просто замечательного для меня разговора с Борисом Николаевичем (мы давно так не говорили и давно так не понимали друг друга)». Но теперь Степашин почему-то вдруг перестал опасаться команды «Бегом арш!» и не ожидает ее. А Явлинский столь же неожиданно почему-то вдруг перестал замечать пылкую любовь генерала и брезговать его прошлым, даже тем зафиксированным в его биографии фактом, что на посту директора ФСК он без ведома армейских командиров позволил своим подручным вербовать добровольцев в Чечню. А когда те попали в плен, он отрекся от них. Что же касается вообще войны в Чечне, то здесь пошли на компромисс, объявили: «Степашин признал ее ошибкой». Десятки тысяч погибших, сотни тысяч беженцев, разорение цветущей республики – и даже спустя три года это не признается кровавым государственным преступлением огромного мас-

штаба, в котором принимал самое активное участие, а названо всего лишь ошибкой, оказывается, и раскаяния не заслуживающей, поскольку оно не последовало. Ну а уж если только ошибка, то чья? Неизвестно... Осанка благородства не позволяет назвать имена... Вот на такой сговор с такой фигурой, не скупясь и не привередничая, пошел Явлинский в расчете на большую выгоду...

Впрочем, ничего нового в этом лицедействе нет, и гораздо примечательней другое – возторг и ликование, эйфория и экстаз, охватившие души участников пакта. Явлинский радостно возопил: «Настало наше время!». И тут же предался мечтаниям в духе известной героини Островского: «Вот если бы к степенности Серапиона Мордарьевича прибавить развязность Балтазара Балтазаровича...» – «Вот если бы к моему рейтингу прибавить рейтинг Степашина!..» И что? «Получилось бы 15». А сам генерал и вовсе оборзел. В разговоре со Сванидзе он решительно заявил, что начинает «бег на дистанцию в 800 метров» – то есть борьбу за президентское кресло. И добавил: «Я! Мы! Готовы взять ответственность за страну!».

Боже мой, и это говорит человек, который, как упоминалось, отрекся от попавших в плен солдат, незаконно завербованных его ведомством! 13 августа в интервью «Комсомольской правде» он допытывался у своего собеседника Александра Гамова: «Для кого я ненадежный, Саш? Для власти? Для страны? Для президента? Для губернаторов? Для зарубежных партнеров?..» Остановись, генерал соломенный! Ты ненадежен и проклят хотя бы уж теми солдатами, если они живы, от которых отрекся.

И тут есть одна жутковатая подробность:

«Я не стал обслуживать интересы определенной группы, которая и посчитала, что в этой ситуации я ненадежен». Так что лично для президента генерал, может быть, и надежен и мил, но есть «определенная группа», которой он не по нраву, и она столь могущественна, столь вездесуща, что в силах по своей прихоти заставить президента, невзирая на вселенское позорище для него, выставить главу правительства, не проработавшего даже трех месяцев. И храбрый генерал, то и дело толкующий о своей офицерской чести («Я ответил: „Борис Николаевич, я ни в какой другой команде не состою, а с вами я остаюсь, это факт“. И сказал, как положено офицеру: „Честь имею!“»), сей храбрый генерал не только трусит назвать хоть одно имя из таинственной «определенной группы», но даже намекнуть, что это такое, откуда она. А ведь ясно же, что это противозаконная антигосударственная сила, которая делает все, что хочет. Степашин обязан был знать о ней еще на своих прежних должностях директора ФСК, министра юстиции и внутренних дел. И не только знать, но и объявить о ней народу и вести с ней борьбу. А он и теперь трусит.

* * *

Степашин продолжает упоенно нахваливать себя: «Я никого обслуживать никогда не хотел, меня никто никогда не покупал. Не все же продаются и не все же покупаются в нашей стране». Да, вполне возможно, что тебя и не купили, генерал. Но ведь есть более эффективный способ заставить молчать – угроза. Вот тебя и запугали, и не смеешь открыть рот, и есть основания полагать, что генеральские штаны с лампасами несколько отяжелели... Таков мир, что создан демократами и их отцом-избранником: президент действует по указанию какой-то темной силы, министры, отвечающие за безопасность страны, глава правительства знают эту силу, но не смеют ее даже назвать, а тихо и послушно уходят в отставку и по ее требованию рассыпаются в благодарностях тому, чьими руками та сила вышибла его вон. И после этого он еще уверяет, что придет первым в беге на дистанцию 800 метров и готов взять ответственность за страну. Да ведь если та группа помыкает спесивым матерым политбюрошником, то что ей помешает еще бесцеремонней помыкать скороспелым генералом в тяжелых штанах?

Среди похвал Степашина своей неподкупности и принципиальности, честности и «если угодно, порядочности» одна похвала, пожалуй, превосходит все: «Меня просто нельзя переделывать!». Просто!.. Он что, нас за дураков держит или у самого крыша поехала? Да кто же не знает, что в двадцать лет он вступил в партию, в двадцать два года окончил Высшее политическое училище МВД, в двадцать четыре закончил Военно-политическую академию им. Ленина. Аспирантуру там же. В тридцать защитил кандидатскую диссертацию «Партийное руководство противопожарными формированиями»... Это был путь самого завязтого партийно-политического функционера, и дальше все шло бы в этом духе, но вдруг выскочил из преисподней Ельцин со своими демократами, и – просто! – вдруг поворот на 180 градусов: сделался врагом коммунизма, разоблачителем социализма, верным слугой ельцинизма... И тем не менее – «Меня не сломать! На этом и стою, и стоять буду, сколько смогу».

Ведь и озаглавлено интервью в этом величественном духе: «Меня убрали, потому что я не продаюсь!». И не соображает, в каком свете таким заголовочком представил своего друга-преемника Путина.

Значит, искали на пост премьера такого, который продается, и нашли: Путин Владимир Владимирович. Ура!.. Вот, Явлинский, какого интеллектуального Голиафа вы имеете у себя за спиной. Ведь при случае он и вас может осветить не менее ярко, чем Путина. Так что свои рейтинги вы хоть складывайте, хоть умножайте, хоть возведите в куб, а ничего хорошего вас не ждет. На вопрос, с кем бы он хотел работать, Степашин ответил: «Прежде всего с людьми, которые понимают, что происходит в нашей стране...» Есть известные основания полагать, хотя бы по его неколебимо страстной любви к президенту, что сам он ничего не понимает, а коллега по пакту, при всей неприязни к президенту, едва ли имеет возможность поделиться знаниями.

1999 г.

Путин на двух креслах

«Всенародно избранный» президент России Ельцин посадил Владимира Путина на два высоких кресла: сперва сделал его директором ФСБ, потом – секретарем Совета безопасности. Конечно, такой кадровый дуэт несколько озадачивал: неужто не осталось других мудрецов, всеми печенками преданных любимому президенту? А Жириновский? А Боровой? А Новодворская? Наконец, Митрофанов? Неужто никто из них не мог сравниться с Путиным по мощи интеллекта, любви к президенту и расторопности? Тем более что с самого начала он показал себя довольно странно. Например, в тот самый день, 24 марта, когда Ельцин посадил его еще на одно высокое кресло, он дал несколько пространных интервью. Откуда в такой ответственный момент нашлось у вас, товарищ Путин, столько свободного времени, чтобы точить лясы? Работать же надо! Или вам уж так не терпелось покрасоваться на телеэкранах? А ведь надо бы знать, что в иных царствах-государствах лица, занимающие подобные посты, не только предпочитают держаться в тени. Больше того, кое-где ни один человек, кроме высших руководителей государства, даже не знает, кто именно эти лица. А тут нате вам – гласность!

Из этих нескольких интервью заслуживает внимания беседа с сотрудницей НТВ Светланой Сорокиной. Кто такая Сорокина? Настоящий агент влияния, провокатор, под маской телевизионной фефелы работающая против правительства, членом коего наш друг Путин состоит. И тем не менее он охотно помчался в столь ответственный день именно на этот канал телевидения для душевной беседы именно с этой фефелой.

Сорокина, разумеется, и в этой беседе показала свое провокаторское нутро. Она сказала, например, что вот, мол, в «Таймс» и еще где-то появилась информация (употребила именно это слово) о том, что один из высших членов нынешнего правительства (она, конечно, назвала его) в свое время получил от Саддама Хусейна взятку в размере 780 тысяч долларов за поставку Ираку оружия. И спросила с милой улыбкой: «Что вы можете сказать об этой информации?».

Если Путин профессионал, то должен понимать, что сама фефела никаких «Таймсов», конечно же, ни при какой погоде не читает. Читают другие. И они подсунили ей эту «информацию», дав задание в непринужденной беседе с высокопоставленным чиновником распространить ее на всю страну, опорочить члена правительства, а заодно и прощупать собеседника.

И что же? Вместо того чтобы, как требовал его служебный долг, решительно пресечь антиправительственную провокацию, сказать, что и говорить об этом не желает, и посоветовать мадам не заниматься грязным делом, – вместо всего это мусье Путин подхватил словцо «информация» и с ответной улыбкой на устах попытался клевету на правительство обратить в игривую шуточку-прибауточку. Естественно, что улыбчивость собеседника прибавила наглости собеседнице, и она прет дальше: «А не обратиться ли вам в эти газеты? Не произвести ли расследование насчет взяточничества в правительстве?». И опять вместо отпора получает галантную улыбку: «Хорошо. Я подумаю...» В сущности, директор-секретарь сыграл в этой беседе роль пособника Сорокиной. Иначе говоря, она работала гораздо профессиональнее, чем он. Да о чем говорить? Перед лицом наглой клеветы Путин не проявил даже самого элементарного чувства товарищества. Кто после этого пойдет с ним в разведку? Как Горбачев, когда собачки поносили Рыжкова, Лигачева и других...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.